

СЕРГЕЙ АНАНЬИН

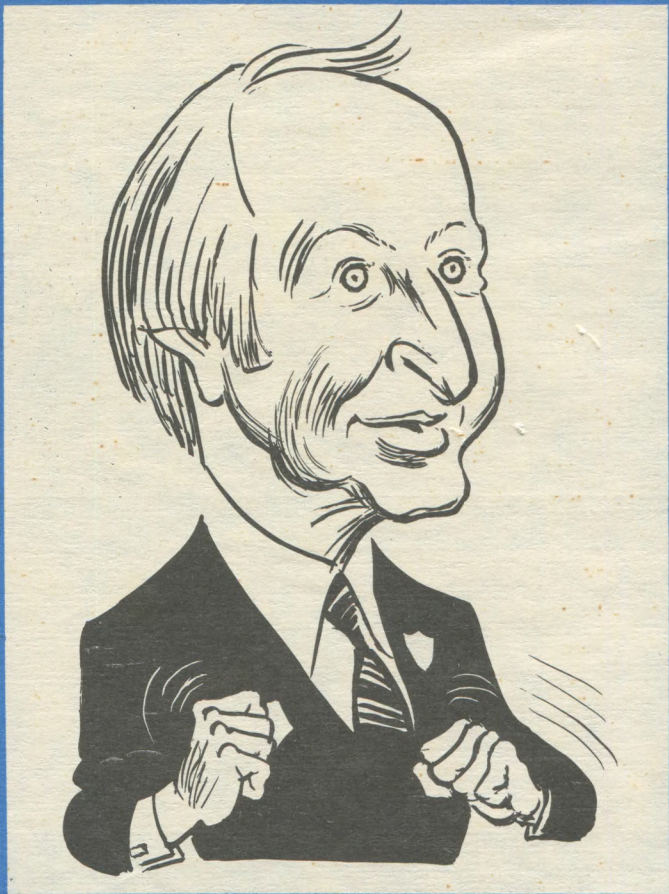
**ЦЕНА
ЕГО
ЖИЗНИ**

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**24
(965)**

ISSN 0132-2141

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 24

СЕРГЕЙ АНАНЬИН

ЦЕНА ЕГО ЖИЗНИ

Сатирические памфлеты, рассказы, пародии

Рисунки Б. СТАРЧИКОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984**

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Более чем полувековая писательская работа убедила меня в том, что каждый писатель, представляющий то или иное направление в литературе, ориентируется на близкий ему по духу и интересам круг читателей. Свой круг читателей есть и у сатирика. Только, конечно, это не сатирические персонажи, против которых он выступает. Не им адресована сатира! Не для них она пишется!

Как сатирик и юморист я не погрешу против истины, если скажу, что самое характерное для понимающего и любящего сатиру то, что он, как и сатирик, кровно заинтересован в быстрейшем устранении всего чуждого нашему социалистическому строю, что он, как и сатирик, стоит на передовой линии борьбы с этим чуждым, за дальнейшее укрепление и развитие советского общества.

Главная особенность советской сатиры, отличающая ее от дореволюционной и прогрессивной буржуазной, **УТВЕРЖДЕНИЕ** подлинно социалистического бескомпромиссным отрицанием всего чуждого, вредного, опасного для нашего общества. Наша сатира отличается глубоким оптимизмом, непоколебимой и обоснованной верой в полное устранение пережитков капитализма в сознании людей.

Сатирик — это прежде всего человек с повышенным чувством личной ответственности за все то, что происходит в нашем обществе, в мире. Когда он пишет свою честную сатиру, он тем самым выполняет свой гражданский долг.

Гражданская позиция Сергея Ананьина ясна и непоколебима. Это точная политическая целеустремленность, смелость и последовательность сатирической мысли, способность в резких, заостренных и остроумных образах отображать чуждое советским людям. Саркастические усмешки писателя по поводу обличаемых им отрицательных явлений проникнуты сердечной болью, страстным желанием способствовать скорейшему их искоренению.

С. Ананьин — автор сатирических книг «Завещание Кантемира», «Несознательный Исполнитель», «По дороге не туда», сатирической повести «Где Хохряков?...», многих литературно-критических статей, в том числе о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, Арк. Бухова и других писателей; он завершил сатирический роман «Нечестивые»,

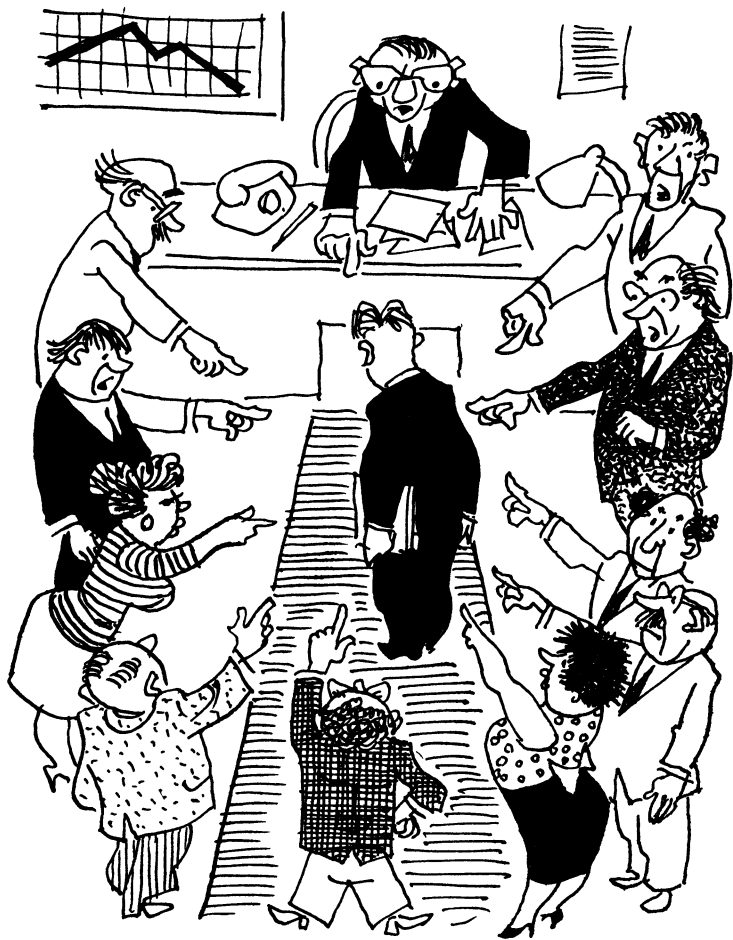
главная тема которого — личная ответственность советского человека перед Родиной, народом, перед своей совестью. Собственно, это — главная тема его творчества как сатирика и литературного критика. Нельзя не отметить его плодотворную работу по развитию самого острого жанра сатиры — памфлета. В этой книге памфлеты составляют ее большую часть.

В художественном отношении Сергей Ананьин следует традициям щедринской сатиры, не признающей никаких компромиссов, когда речь идет о вредном для народа, но он не копирует Щедрина, вносит в сатиру свое, новое, современное звучание.

Мне остается сказать в этом кратком вступительном слове, что Сергей Александрович Ананьин родился в 1913 году в Вологде, а вторым родным городом для него стал Воронеж, где с пятнадцати лет началась его трудовая деятельность рабочим. А третьим — Москва, где он проживает с 1950 года. По призыву комсомола С. А. Ананьин в двадцатые годы работал учителем в школе ликбеза в деревне, а затем, в тридцатые годы, — на новостройках на западной и дальневосточной границах отнюдь не на руководящих должностях. Ветеран Вооруженных Сил СССР. Участник Великой Отечественной войны. За успешное выполнение фронтовых разведывательных заданий награжден именным Боевым оружием.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

**КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
ДЛЯ ПЕРЕСТРАХОВЩИКА**
Памфлет

Речи, как мед, а дела, как полынь
Народная пословица

**ВСТУПЛЕНИЕ,
поясняющее причину появления краткого
руководства**

Сотворить сие Руководство меня подвигло отчаяние при виде неодолимого оскудения некогда процветавших перестраховщиков, собратьев моих.

Увы, дырявятся ряды перестраховщиков! Даже, так сказать, многолетние, наипытнейшие не выдерживают повседневных ударов советского времени и испаряются, не успев оставить полноценную смену.

Как-то уцелевшие — мельчают. Если не принять экстренных и самых эффективных мер, домельчатятся до клопиной мелюзги.

Взываю отчаянно к перестраховщикам всех рангов: не торопитесь выжидаться! Еще не все потеряно! Цепляйтесь!

Еще сохранились кое-какие условия, благоприсутствующие продлению с каждым днем усложняющегося нелегкого существования.

Главное в настоящее время — приспособиться к изменяющейся обстановке.

Выражаясь откровеннее, отказаться от разгаданных прозорливым народом приемов, хотя они и складывались веками, взять на вооружение новые приемы, способствующие не только держаться, но и продолжать бездумно решать стоящие перед каждым перестраховщиком исторические задачи.

Исторические задачи любого перестраховщика можно выразить такими чистосердечными словами, разумеется, не подлежащими разглашению:

Не допустить!

Всемерно задержать!

Пообещав, ничего не сделать!

Не касаться!

Что «не допустить», что «всемерно задержать», как это «пообещав, ничего не сделать», чего «не касаться» — вы сами преотлично знаете, ибо повседневно, буквально каждый служебный день занимаетесь этим на захваченных вами должностных постах.

В том числе и самых рядовых, хотя их возможности, конечно, далеко не те.

Да поможет вам настоящее Руководство в вашей нервно-изнуряющей перестраховочной деятельности!

Противонародной!

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ, обнажающий историческую роль перестраховщика

По наивному разумению бесчисленных врагов, перестраховщик не что иное, как трус, непрерывно дрожащий за свою шкуру и потому испуганно согласовывающий каждое свое служебное телодвижение, слово, улыбку или негодование. В действительности, конечно, перестраховщик — историческая личность, постигшая тайну благоразумного существования.

Не путать настоящего перестраховщика со случайным!

Случайный перестраховщик — вполне нормальный человек, случайно обронивший совесть, гражданский долг, что и позволило ему на какой-то миг вкусить прелесть перестраховки. Остаться же в оном, если выразиться человеческим языком, бессовестном состоянии он испугался, поспешно поднял оброненную совесть, оброненный гражданский долг и также поспешно водрузил их на место, опасаясь, что иначе люди от него отвернутся, перестанут считать человеком, будут называть иначе, возможно, нецензурно.

Настоящего перестраховщика не интересует, что думают о нем люди.

Настоящий перестраховщик на мнения людей плюет.

Разумеется, стоящих ниже его на служебной лестнице.

Перестраховщик прислушивается только к своему мнению о себе, а именно: мол, он стоит выше всех людей, потому что владеет тайной благоразумного существования.

Что означает существовать благоразумно?

Благоразумно существовать — значит постоянно, повседневно находиться в самом безопасном для своей драгоценной жизни месте.

Где же это самое безопасное место?

Ни один человек на этот вопрос не ответит. Может сказать, что такого места и не найдешь.

А вот перестраховщик нашел!

Где же оно?

Промеж жизни и смерти!

Очень удобное!

Совершенно безопасное!

И не живешь и не умираешь, зато существуешь!

Так промеж жизни и смерти можно просуществовать многие годы, радуясь своему открытию, с прискорбием хихикая над теми, кто, не владея тайной благоразумного существования, живет, то есть не задумывается, что надо всего опасаться, дрожать за свою шкуру.

Благоразумно существовать — значит умело создавать видимость, что ты будто бы живешь, как все люди, что ты что-то делаешь якобы полезное для народа, государства, а на самом деле наслаждаешься перестраховочной бездеятельностью.

Этого наслаждения человеку не понять!

Благоразумно существовать — значит решительно и навсегда отказаться от таких чисто человеческих качеств, как инициатива, смелость, творческое дерзание, стремление быть полезным Родине, внести свой вклад в строительство коммунистического общества, вскрывать и устранять отрицательные явления, недостатки, самокритично подходить к себе и т. д. и т. п.

Существовать промеж жизни и смерти куда спокойнее!

Но далеко не каждый из людей может превратиться в подлинного перестраховщика.

Для тебя, перестраховщика, это очень плохо. Ведь чем больше перестраховщиков, тем прочнее твое существование.

Общеизвестно — нормальные люди это знают! — что там, где пристроились перестраховщики, заметно понижается политическая, производственная и вообще любая человеческая активность.

Приглядись к своему учреждению. Если там с активностью что-то не ладится, определено, кроме тебя, действуют и твои собратья.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ, раскрывающий формы благоразумного существования

Стихийно сложились следующие формы благоразумного существования:

Первая. Бегать, как заяц, прижав уши к затылку, ничего не слыша, не видя, ни черта не разумея от смертельного страха за свою толстокожую шкуру.

Существенный недостаток данной формы — с перепугу, сослепа можешь влететь в одну из комиссий народного контроля, которые люди расставили на всех дорогах, предприятиях, в учреждениях, в частности и для уловления перестраховщиков.

Вторая. Бездумно охранять привычное тебе, люто набрасываясь, подобно злобной дворняжке, на все впервые услышанное, увиденное лишь потому, что это — новое.

Существенный недостаток этой формы — тебя неминуемо постигнет участь любой злой и глупой дворняжки, надоевшей людям неумным лаем.

Третья. Однажды удачно испугавшись, остаться круглосуточно в невменяемом оцепенении, остолбенении.

Существенный недостаток этой наиболее распространенной формы благоразумного существования в следующем: привыкши уклоняться от любых самостоятельных действий, обязательно навлечешь на себя неминуемый гнев и презрение не только сослуживцев, но даже и жены своей, каковая, перестав верить, что ты можешь опять стать человеком, мужчиной, каким был в молодости, будет вынуждена обратиться за сочувствием к соседу-неперестраховщику.

Иных форм благоразумного существования нет. Так что руководствуйся любой из перечисленных. Разумеется, с учетом недостатков каждой формы.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ, содержащий перечень приемов благоразумного существования

Выбор приемов благоразумного существования определяется твоим умственным уровнем, а также уровнем перестраховки в учреждении, на предприятии, в организации, в котором или в которой протекает твоя активная деятельность, направленная на всемерное ослабление инициативной, полезной деятельности людей, а в конечном счете, если говорить точнее, на фактическую бездеятельность учреждения, предприятия, организации.

Чем ниже твой умственный уровень и чем выше уровень перестраховки в учреждении, на предприятии, в организации, тем примитивнее, циничнее могут быть твои приемы, и наоборот: если твой умственный уровень приближается к человеческому и налицо низкий уровень перестраховки там, где ты вредствуешь, от тебя требуются изощренные и хитро маскируемые приемы.

Перечислить все приемы, используемые перестраховщиками, разумеется, невозможно: их столько, сколько и перестраховщиков. А перестраховщиков — как окурков сигарет на автобусной остановке.

Рассмотрим наиболее распространенные приемы, отмечая, конечно, их изъяны, ибо Руководство имеет практическое назначение.

1. **Согласование, или уклонение от принятия решения самостоятельно.**

Разгадан народом, но его трусливому применению пока еще способствуют следующие благоприятствующие условия: во-первых, вышестоящая инстанция пока еще не привыкла к тому, что нижестоящая — и вдруг может правильно решить что-то совершенно самостоятельно. Поэтому вышестоящий даже возликует, если ты обратишься к нему вроде как за разъяснением. Во-вторых, хотя неписаный перечень вопросов, подлежащих согласованию, и уменьшился, и значительно, он еще может доставить тебе административное наслаждение. Вот и используй это как удобную лазейку для напоминания вышестоящему, что ты по-прежнему продолжаешь оставаться идеально дисциплинированным, а если точнее выражаться, — мелкой сошкой.

Не рекомендуется обращаться по таким вопросам, которые со всей очевидностью разоблачат тебя, — что ты, оказывается, явно перебарщиваешь в перестраховке, то есть лишен элементарных умственных способностей. Цинично откровенный перестраховщик так же неприятен вышестоящему, как и обнаженный подхалим, карьерист, демагог и т. п.

2. **Обещание подумать, посоветоваться.**

Разновидность предыдущего приема. Чуть похитрее.

К сожалению, также разгадан народом, но пользоваться им можно смелее, ибо кто тебя осудит, если ты, восторженно (обязательное условие!) выслушав предложение «снизу», сердечно поблагодарив (тоже обязательное условие!), пообещаешь подумать, скажешь, что, конечно, надо посоветоваться с коллективом. А пообещав, ты ухитришься оттянуть принятие важного и срочного решения, и затем и ничего не решить. Чем, несомненно, нанесешь ощутимый вред своему учреждению (предприятию, организации), а следовательно, и государству. Иными словами, священный долг перестраховщика выполнишь блестяще!

3. **П л а н п р е ы ш е в с е г о.**

Когда оценка деятельности предприятия производится по в а л у, преотличнейший прием!

В то же время преотличнейший демагогический прием, ибо план действительно должен быть законом для предприятия.

Увы, народ относится скептически, самостоятельно, без согласования разгадав, что бывает так: под превыше всего может скрываться иное — п р е в ы ш е р а з у м а.

Все же используй. Гибкий ум перестраховщика подсказывает, что, бездумно принимая план, бездумно спущенный главком, и сохраняя его в девственном виде, ты обретаешь не только душевное спокойствие, но и любовь того чиновника главка, который безответственно отнесся к своим обязанностям. Ведь еще неизвестно, сумеешь ли ты доказать свою правоту, но недисциплинированным прослывешь непременно.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ, ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ

Сотворив сие Краткое Руководство, я пошел на кладбище перестраховщиков, что в Собачьем логоу.

Преждевременно погибших из-за отсутствия Руководства по благоразумному перестраховочному существованию.

Пришел.

Изумился!

Пока я сотворял, кладбище стало неузнаваемым.

Пустыря, куда бегали по необходимой надобности бездомные собаки, уже не было.

Его заполнили тысячи свежих горбатых могил.

Еще больше я изумился, когда могильщик весело пояснил, что в связи с жилищно-кладбищенским кризисом в каждой могиле дружно, плечом к плечу, лежат сотни перестраховщиков всех служебных рангов.

— А еще находятся лекторы, утверждающие, что с перестраховкой у нас давным-давно покончено, что перестраховщиков сейчас — кот наплакал! — невольно сказал я, посмотрев окрест. — Ни одного свободного местечка!

— Народ заложил в Вонючем овраге новое кладбище, — успокоил меня могильщик и тревожно спросил: — Хватит ли перестраховщиков?

— На наш век хватит! — воскликнул я оптимистически.

РЕКОРД ПЕРЕСТРАХОВКИ

Перестраховщику поручили составить проект колхозной бани.

— Обсуждение будет? — прежде всего спросил он.

— А как же.

В установленный срок проект был готов. Назывался он так:
«Условная примерно-ориентировочная черновая прикидка перво-
начально-предположительного варианта наброска проекта, предназ-
наченная для внутреннего обсуждения в целях получения установок
и окончательной доработки в свете руководящих указаний».

В верхнем правом углу стояло:

«На правах рукописи».

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПОДХАЛИМА

Памфлет

Как вы прикажете...

А. С. Молчалин

ВСТУПЛЕНИЕ

Подхалим! Прими привычное исходное положение — согнись
в три погибели.

Расплывись в улыбке, прозванной народом подхалимской.

Наконец-то ты получаешь Руководство для своей многотрудной,
многострадальной, истинно нечеловеческой деятельности.

В настоящем Руководстве обобщен опыт самых высококвалифици-
рованных подхалимов от времен Великого Кормчего подхалимов
Алексея Степановича Молчалина до наших дней.

Довольно подхалимничать по-кустарному!
Поставим подхалимаж на гибкие научно-практические ноги!
Итак, начнем ставить!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ Что такое подхалим

Понять подхалима может только подхалим. Человеку подхалима не понять. Вот почему человек напридумывал подхалиму так много прозвищ.

Неблагопристойных.

Для удобства исследования разделим оные неблагопристойные прозвища на две основные группы:

а) цензурные.

б) нецензурные.

Цензурные прозвища: подлиза, подлизыватель, лизатель, лизун, блюдолиз, пяtkолиз, спинолиз, штанолиз, подхалюза, подхалюзник, пролаза, липун, подлипала, слуга, холуй, лстец, гадина, пресмыкающийся, гадюка, раб, холоп, криводушник, червяк, гусеница, мразь, подлец, ничтожество, трус, дрянь, дерьмо, двоедушник, наушник, бездарь, иудушка, слюнтяй, недоносок, недочеловек, прохвост, заднелиз, и т. д. и т. п.

Нецензурные прозвища. Впрочем, приводить их неудобно.

Поэтому перейдем к определению подхалима, которое получило печально-широкое распространение среди людей:

«Подхалим (разговорное, презрительное). Низкий лстец, лакействующий человек, готовый на подлость ради достижения своих целей, личных выгод».

Так определяет подхалима Толковый словарь русского языка под редакцией профессора Д. Н. Ушакова. Смотри том третий, стр. 460.

Единственно правильное в этом пышущем злобой определении лишь то, что подхалим действует «ради достижения своих целей, личных выгод». Остальное — голословные обвинения, порожденные извечной ненавистью людей к подхалимам всех мастей и окрасок.

Прежде всего вызывает сострадательный смех, что подхалим будто бы «лакействующий человек»(?!). «Лакействующий» — верно, соответствует действительности, но почему «человек»?!

Истинному подхалиму все человеческое чуждо, враждебно, неприемлемо, отвратительно, неприемлемо.

Доказать это нетрудно.

Может ли человек жить без совести? Разумеется, не может, иначе он уже не человек. А подхалим? Не только может, но и обязан, иначе он уже не подхалим.

Наличие совести — распространенного человеческого предрассудка только вредит подхалимской карьере, убивает в подхалиме начисто все истинно подхалимское.

Может ли человек жить без своего мнения, без своих суждений? Разумеется, не может, иначе он уже не человек. А вот подхалим не только может, но он и понятия не имеет, что это такое — собственное суждение.

Это даже смешно: у подхалима — и свое мнение!

Зачем?

Портить карьеру?..

Еще основоположник подхалимажа, Великий Кормчий подхалимов, самый-самый дальновидный, единственно умный во всем мире, учил, что подхалиму «не должно сметь свое суждение иметь!»

Смотри Полное собрание высказываний Гениального Теоретика подхалимажа Алексея Степановича Молчалина, записанных с его слов его современником неким А. С. Грибоедовым, «Санктъ-Петербургъ, дозволено цензурою Его Величества 28 января 1892 года», стр. 52.

Патологоанатомическим вскрытием подхалимов, неслышно погибших в отчаянной борьбе за лично-корыстное благополучие, убедительно доказано, что каких-либо человеческих качеств вроде патриотизма, честности, товарищества, мужества у подхалима нет и не может быть.

Не просвещенный в подхалимаже наивно спросит:

— Ну, а внешнее сходство? Ведь любой подхалим, даже самый поганый, похож на человека! Не сразу и различишь, человек это или подхалим!

Именно только похож!

Подхалим вынужден принимать человеческий облик из чисто тактических соображений: ничего не поделаешь — среди людей существовать-то приходится!

Теперь, исходя из вышесказанного, нетрудно дать подлинно научное определение подхалима:

Подхалим — это человекообразное существо, готовое ради достижения лично-корыстных целей на любое деяние, на которое человек совершенно не способен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Историческое предназначение подхалима

Установлено, что отцом первого подхалима был Вельможа Хамович Безцарявголове. Имя, отчество, фамилия убедительно свидетельствуют о том, что он был из древнего аристократического рода.

В летопись Безцарявголове вошел под ласковым прозвищем Никудышный.

Видимо, летописец посчитал, что это одно и то же.

В 7113 году (в 1604 году по новому летосчислению) Вельможа Хамович стал начальником (древнерусское слово, означающее «зачинатель», «устроитель» (смотри послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме с братией, написанное 23 сентября 1573 года по поводу нарушения правил монастырского устава постриженными опальными боярами).

Летописец бесстрастно поясняет:

«Стал зачинателем не за деловые и политические качества, коих у него не обнаруживалось, ибо отроду он был боголишимым (неразумным.— С. А.), а потому, что двоюродная бабушка дружила с бабушкой директора главка имени святого Николы-земледельца. Новоиспеченный начальник сначала вельми (весьма, очень.— С. А.) перепугался. Страх за личное благополучие и породил нечто названное людьми, зажавшими носы, Подхалимом».

Древний летописец живописно восклицает:

«Обнаружив такового под собой, Никудышный мгновенно почувствовал радостное облегчение и обрел приятное самоуспокоение».

Отсюда следует, что историческое предназначение Подхалима — быть верным нижним спутником Никудышного, и существовать ему уготовано историей до тех пор, пока Никудышные не переведутся.

Такова историческая судьба истинного Подхалима.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРАКТИЧЕСКАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первоочередные задачи подхалима

Самая первоочередная задача подхалима — всецело, всемерно, полностью, целиком, до конца, сполна, исчерпывающе, до дна использовать в личных интересах своего начальника и по возможности других в целях: продвижения по службе, получения ведомственных наград, премий и прочих материально-моральных благ.

А главное, конечно, для упрочения своего ежедневно шаткого положения.

Подхалим! Помни свою первую заповедь: хоть мочальник, да твой начальник!

А поэтому живи, как теленок: кто его погладит, того он и полижет.

Хотя тебе, подхалиму, значительно сложнее: надо лизать и того, кто тебя не гладит.

Помни и вторую заповедь: никогда не называй себя и себе подобного подхалимом, иначе станешь невольным подрывателем подхалимажа. Напротив, именуй подхалимом, а еще лучше каким-нибудь цензурным прозвищем (смотри часть первую, главу первую настоящего Руководства) всякого, кто не похож на тебя, а именно: имеет совесть, собственное мнение, сердечно относится к людям независимо от занимаемой ими должности и т. д. и т. п. Кричи что есть силы: «Вот он, пятколиз! Вырвем с корнем подхалимство — страшный пережиток капитализма, буржуазной идеологии!..»

Не забывай и третью заповедь: всячески оберегай от разгадывания, а значит, и разоблачения своих молочных братьев — демагогов, перестраховщиков, карьеристов и т. д. и т. п.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Похоронная

Горький опыт подхалимов учит, что в Советском государстве подхалиму ой трудно! Ой несладко!

Будем откровенны: прозябание подхалима ухудшается буквально с каждым днем, ибо советские люди все настойчивее и решительнее совершенствуют предприятия, учреждения, организации, почему и летят твои покровители — никудышные начальники.

Подхалим! Если хочешь просуществовать еще немного, всячески препятствуй совершенствованию предприятий, учреждений, организаций, всемерно мешай укреплять их знающими, честными, принципиальными, инициативными людьми.

Прежде всего, конечно, любыми приемами глуши критику и самокритику, сатиру тож. Не забывай ни на минуту, что это твои главные враги.

Впрочем, вряд ли тебе или твоим молочным братьям — демагогам, карьеристам, перестраховщикам и т. д. и т. п. это удастся.

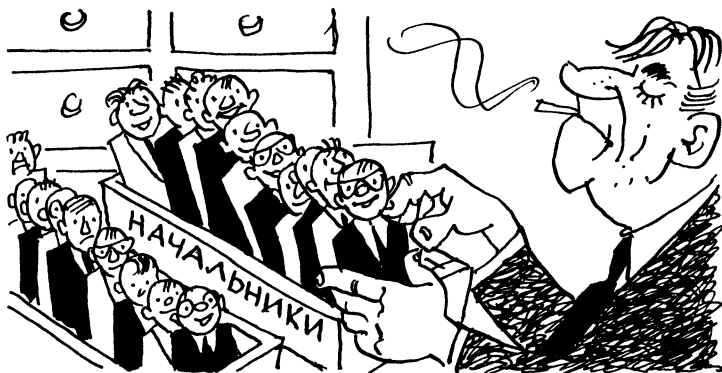
Не то время!

Утешайся тем, что хотя ты погибнешь не первым, можешь оказаться и последним, но даже через много-много лет твой злейший враг, человек, тебя не забудет: нечаянно вспомнив, обязательно плюнет на твою могилу!..

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ПО РУКОВОДСТВУ

В помощь случайному начальнику

Памфлет

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Гипотеза о причинах случайного попадания на руководящий пост

Наука не знает ни одного случая, чтобы начальника или хотя бы заместителя породила женщина.

Следовательно, начальником не рождаются.

Если не рождаются, значит, им как-то становятся.

Как?

С таким вопросом я обратился к ученым, специалистам административного права.

Ученые сокрушенно ответили, что на эту извечно злободневную тему ни кандидатской, ни докторской диссертации или монографии за всю историю человечества не было, и порекомендовали спросить самих начальников. Мол, им лучше знать, откуда они берутся.

Начальники почему-то сочли вопрос бестактным и отослали к кадровикам.

Кадровики испуганно сказали:

— Мы ни в чем не виноваты! Наше дело маленькое — подобрать начальника!

Подобрать!

Как будто начальники где-то валяются!

Пришлось побеспокоить специалиста-языковеда, доктора филологических наук.

Филолог сказал, что слово «начальник» — древнерусское, означает «з а ч и н а т е л ь», «у с т р о и т е л ь», а кадровик — это тот, кто принадлежит к кадрам, в смысле: рабочий или служащий с большим стажем работы. Мол, так поясняют все словари русского языка.

Пришлось сострадательно разъяснить ученому, что начальник — это руководитель предприятия или учреждения, а кадровик — особо доверенный ему человек, подбирающий для учреждения, предприятия, организации специалистов, которые и именуются кадрами, причем самому быть специалистом — с учетом профиля учреждения, предприятия, организации — совсем не обязательно. Затем попросил не отвлекаться и по-научному ответить, что означает слово «подобрать» в распространенном выражении «подобрать начальника», чем занимаются кадровики.

— Эти самые в несловарном понимании кадровики, — сказал филолог, — определенно пользуются особым, видимо, присущим только им жаргоном, потому что, если взять подлинное значение интересующего вас слова «подобрать», то подобрать можно только неодушевленный предмет, например, кирпич, или одушевленный, но потерявший способность к самостоятельному поднятию, например, пьяницу. Приставка «подо» указывает на направленность действия снизу вверх. В данном любопытном случае, неизвестном науке, «подобрать», видимо, и означает поднять кого-то снизу вверх. Этот кто-то должен быть вполне одушевленным предметом, то есть в отличие от перепившего твердо и самостоятельно держаться на ногах. Откуда «снизу»? Наречие «снизу» академический Словарь русского языка применительно к одушевленному предмету, каким теоретически обязан быть любой начальник, толкует так: «Со стороны нижестоящих классов, слоев населения; со стороны масс». Смотрите Словарь русского языка, том четвертый, страница двести тридцать первая. Поэтому рекомендую поговорить с массами, под которыми наука понимает «широкие слои трудящегося населения; народ». Загляните в тот же Словарь, том второй, страница триста восемнадцать.

Широкими слоями трудящегося населения, народом оказались хорошо известные мне рабочие и служащие, именуемые кадровиками по-разному: «кадрами», «рядовыми работниками», «сотрудниками». Они скромно подтвердили, что кадровики действительно подбирают начальников среди них и затем, как и разъяснил по-научному филолог, поднимают обнаруженного снизу вверх.

В непринужденном, доверительном разговоре с народными массами выяснилось, что бывают смешные случаи, которые потом для «рядовых работников» оборачиваются слезами: то ли в спешке выполнить план по валу, то ли по служебной близорукости кадровики иногда подбирают недоспевшего, находящегося еще в зародышевом состоянии, когда трудно определить, кто из зародыша получится.

Это любопытно!

Это дает основание выдвинуть научную гипотезу, что недоспевший и случайный начальник, видимо, одно и то же.

Конечно, такая смелая гипотеза нуждается в долголетнем исследовании и, разумеется, в согласовании с самими начальниками. Какие недоспевшие, случайные.

Пока ясно одно: появление на административной орбите начальника предполагает наличие определенных, естественно сложившихся административно-исторических условий, главные из которых:

а) наличие широких слоев трудящегося населения, они же рабочие и служащие, как-то порождающие начальников;

б) наличие так называемого кадровика, обладающего способностью опознать и своевременно подобрать начальника, будто бы уже доспевшего для поднятия снизу вверх;

в) наличие Вышестоящего Лица, имеющего административно-историческое право посвятить подобранный в начальники.

Как удалось установить, посвящение в начальники в отличие от посвящения в рыцари совершается не мечом, а пером — обычно шариковой ручкой — и обязательно в отсутствие посвящаемого. Сей торжественный административно-исторический акт на благо рядовых работников, широких народных масс длится неуловимые доли секунды и сводится к тому, что Вышестоящее Лицо, похвалив кадровика за острое зрение, подписывает подсунутый ему приказ, что с сего числа такого-то надлежит устно и письменно считать начальником.

Значит, превращение в начальники осуществляется р о с ч е р к о м п е р а, то есть, как поясняет академический Словарь русского языка в четырех томах, в который я стал заглядывать после научной беседы с филологом, «б ы с т р о» (см. Словарь, том третий, страница 970).

Действительно: был человек как человек, и вдруг — начальник!

Конечно, столь мгновенное качественное изменение человеческого организма выдерживает далеко не каждый, и, несомненно, не может выдержать тот, кто еще не доспел до такого молниеносного превращения.

Как свидетельствует практика, случайный начальник сразу испытывает сильнейший зуд во всех конечностях, именуемый в медицине административным: ему беспрерывно чешется каждодневно озадачивать подвластных работников необычными деяниями, иначе по его недоспелому разумению подчиненные не поверят, что он

р о с ч е р к о м п е р а превратился в совершенно новое качество и отныне и во веки веков обречен изрекать устно и письменно только исключительно умное, подлинно руководящее.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

С чего начинать

Некоторые, почесываясь от административного зуда, начинают с творческого совершенствования своего служебного кабинета.

Сейчас это уже не модно.

Сейчас модно отличаться от сотрудников не креслом, а головой.

Для недоспевшего, случайного это практически невозможно, ибо голова его, вполне понятно, также не доспела.

Но не стоит впадать в самокритическое отчаяние и умолять Вышестоящее Лицо немедленно исправить допущенную ошибку — освободить от непосильного поста. Подведешь и кадровика и Вышестоящее Лицо, посвятившее тебя в начальники р о с ч е р к о м п е р а, то есть, как поясняет академический Словарь русского языка, «н е в н и к а я в с у т ь д е л а». (См. том третий, стр. 970.)

Цепко держись за случайно полученную руководящую должность до тех пор, пока с оной тебя не сдернет тот, кто обладает этим разумным правом.

Экспериментально установлено, что, как правило, снятие производится без широкой огласки и с применением такого эффективного обезболивающего средства, как переброска на другое предприятие, в другое учреждение, организацию на должность материально и морально равноценную.

С чего тогда начинать?

С овладения мастерством правильного отношения

- а) к непосредственному начальнику — в первую очередь;
- б) к своим сотрудникам.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Правильное отношение к непосредственному начальнику

Непосредственный начальник отличается от других видов начальников тем, что прежде всего от него зависит твое настоящее и будущее. Поэтому он для тебя самый родной, самый любимый.

Конечно, до тех пор, пока он твой начальник.

Правильно относиться к непосредственному начальнику — значит

не только не доставлять ему никаких огорчений, но и всячески оберегать его, всемерно способствовать ему держаться в занимаемой должности.

Разумеется, если начальник к тебе благоволит.

Запомни: ты можешь уцелеть, даже совершив грубейшие ошибки, но только не такие, которые, хотя бы косвенно, пятнали твоего начальника.

Этого он тебе не простит.

Не имеет административного права простить, иначе его сочтут беспринципным, а принципиальность — бронебойный щит начальника, без которого он не продержится на своей боевой позиции и часа.

Пуще всего опасайся допустить следующие ошибки, из-за каковых раньше времени саморазоблачилось немало тебе подобных:

- а) пытаться проявлять инициативу;
- б) ссылаться на объективные причины;
- в) просить увеличить штаты;
- г) превращать учреждение (предприятие, организацию) в свою епархию.

Поясню.

Ну, куда тебе, недоспелому, случайному тож, лезть со своей инициативой, если ты, не зная дела, не можешь отличить разумное от неразумного? Поэтому всегда следуй за инициативой непосредственного начальника, какой бы она ни была. Если местные условия вопиют, что так делать нельзя, ты не смущайся — делай, делай, делай! Тем самым упрочишь свое положение при действующем непосредственном начальнике, которому твое дисциплинированное усердие, конечно, понравится. А после его неминуемой переборски, если не в этом, то в следующем году обязательно, ты получишь прекрасную возможность привести убедительные доказательства, какой колоссальный ущерб твоему учреждению (предприятию, организации) был нанесен этой самой инициативой.

И все поразятся твоей смелости, принципиальности.

Разумеется, к этому приему надо прибегать только в том случае, если твоего непосредственного начальника перебросят вниз.

Такие случаи бывают.

Особенно в последнее время.

Но будь дипломатом: и в этом случае не забудь подчеркнуть, что переброшенный на другой пост твой бывший непосредственный начальник действовал так вынужденно, помимо своего желания, в силу, мол, определенных, известных обстоятельств, выступать против которых он, конечно, был бессилен. В противном случае твой новый непосредственный начальник, если он также окажется из случайных, что не исключено — надо всегда исходить из самого несуразного! — непременно возьмет тебя на заметку как недогадливо-го, неспособного на благодарность.

Ссылаться на объективные причины пока еще только входит в моду, причем робко. Помни: ссылка на какие-то объективные причины (морально устаревшее оборудование, нехватка сырья или его недоброкачественность, каких-то деталей и т. п.) равносильна признанию неполноценности своей руководящей личности, неспособности выполнять волевые указания непосредственного начальника, который, разумеется, удивленно спросит: «А ты куда смотрел? Почему допустил такое?..»

Совсем не случайно, что на объективные причины ссылается лишь тот, кто, во-первых, отлично разбирается в порученном ему деле, во-вторых, имеет свое мнение и не боится его высказывать, потому что не цепляется за руководящий пост. А у тебя, цепляющегося, разве может быть свое мнение? Гораздо спокойнее обходиться без него.

Не обращай с просьбами об увеличении штатов, хотя бы этого и требовали интересы дела. Рискуешь подорвать свой авторитет. Непосредственный начальник может укоризненно сказать: «Экономить надо!» А лучше всего экономить, конечно, на штатах, ибо, как установлено кем-то, при правильном волевом руководстве возможности каждого работника безграничны. Особенно, когда ты вдохновенно говоришь об интересах государства, Родины и тут же умело намекаешь работнику на возможное его служебное несоответствие. Хотя у нас безработицы нет, а, напротив, не хватает работников, люди привыкают к своему предприятию (учреждению, организации) и ломать привычную жизнь не каждый решится.

Превращать учреждение (предприятие, организацию) в свою епархию (вотчину) уже очень опасно, ибо вельможи ныне не только не в моде, но при обнаружении решительно перебрасываются в другое учреждение или на общественную работу.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Правильное отношение к сотрудникам

Сотрудники — такая часть широких слоев трудящегося населения, которая по иронии судьбы оказалась во временном твоём подчинении. Можешь называть их еще «рядовыми» или «низовыми работниками». Это до сих пор допускается даже в печати. Хотя сами работники воспринимают почему-то с обидой. Следовательно, безопаснее всего именовать их официально принятым словом «сотрудники».

Главная особенность сотрудников в том, что они гораздо раньше, быстрее, чем непосредственный начальник, могут убедиться в твоей случайности.

К глубокому сожалению, практика свидетельствует, что сотрудников никак не обманешь. Так что и не пытайся.

Но и не паникуй.

При изворотливости, присущей настоящему случайному начальнику, можно создать видимость соответствия.

Достигается это различными приемами.

Назову главные, проверенные на практике.

Прежде всего в целях маскировки своей надоспелости не принимай никаких решений самостоятельно.

Раньше было намного легче. Раньше по любому вопросу, каким бы пустяковым он ни был, можно было смело испросить указаний непосредственного начальника, что считалось даже обязательным. Но теперь это опасно. На грани саморазоблачения.

Некоторые случайные начальники выходят из положения так: заручаются мнением коллектива, общественности. Тоже уже небезопасно, ибо коллектив, общественность уже начинают косо поглядывать на такого начальника, который советуется по пустякам, отрывая от работы.

Рекомендую новую тактику, пока еще не разгаданную широкими слоями народных масс: создавай видимость, что ты руководишь сотрудниками, а на самом деле предоставляй им полную возможность делать так, как они, опытные работники, отлично знающие порученное им дело, сами считают нужным.

Практика свидетельствует, что предприятие (учреждение, организация), возглавляемое случайным начальником, при такой тактике только выигрывает. Разумеется, выигрывает и сам случайный начальник, которого «сверху», не зная секрета, невольно считают хорошим организатором.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

Последний, самый важный совет

Когда тебя, недозревшего, случайного, снимут, а к этой неминуемой развязке своей административной комедии готовься с первого дня, не выпрашивай другой руководящей должности, независимо от высоты, как по своей недоспелости делают многие, даже угрожая, что будут писать во все инстанции.

А если — нередко бывает такое! — вдруг пожалеют тебя и предложат другую, как выражаются, равноценную должность, собери остатки неразвитой совести и решительно откажись.

Даже вскочи с кресла, изобрази удивление, возмущение, негодование и проговори громко, выделяя каждое слово:

— А знаете, что обо мне, несозревшем, недоспевшем, молвит народ? Нет, определенно вы не знаете! А народ вот что говорит обо мне, случайно попавшем на руководящий пост: «Т е б я - т о м ы в и д и м, д а в т е б е - т о н е в и д и м!...»

И добавь столь же мужественно:

— Удивляюсь, что вы принимали и принимаете меня совсем за другого!

Докажи таким самокритичным протестом, что на руководящую орбиту ты взлетел не преднамеренно, без лично-корыстного умысла.

Патриотическим поведением ты убедительно докажешь, что тебя, оказывается, еще можно уважать, что ты честный человек и, пожалуй, можешь доспеть до поста начальника.

НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ

Кабинет начальника конторы. Посреди кабинета в положении «смирно» стоит Исполнитель, не отрывая глаз от начальника.

Тот взволнованно бежит от стола к двери и обратно.

Наконец, обессилев, падает в кресло и жалобно произносит:

— Разве я не предупреждал тебя, что это срочное государственное задание? Ну скажи хоть слово!

— Я уже говорил, — хрипло отвечает Исполнитель, нестриженный и небритый.

— Говорил! Говорил! — возмущается начальник и ударяет кулаком по настольной кнопке звонка.

В дверь просовывается секретарша.

— Собрать руководящий состав! — приказывает начальник. — Срочно!

В кабинет, строго соблюдая старшинство, гуськом вбегают первый, второй, третий заместители начальника и один просто заместитель; кучей втискиваются восемь старших помощников и за ними два просто помощника.

Все явно расстроены.

Вся контора, за исключением персонального шофера, он же дворник; уборщицы, она же курьер, секретарши, она же машинистка, стенографистка и делопроизводитель, в сборе.

— Не сознается! — выдыхает начальник.

Замы и помы отступают назад, выражая искреннее удивление, затем стремительно окружают Исполнителя и, перебивая друг друга, вразумляют:

— Пойми! Ты подвел весь наш коллектив! Мы обязались! Мы в газете напечатали, а ты... Признавайся, сорвал?

Исполнитель пожимает плечами: когда начальники брали от имени всего коллектива обязательство, с ним даже не посоветовались.

— Что мне теперь с тобой делать? — стонет начальник.

— Да, что нам теперь с тобой делать? — вторят замы и помы. — Из-за тебя газета нас болтунами назвала! Из-за тебя Валериан Емельянович выговор получил за необеспечение руководства! А скажи по-честному, разве мы тобой не руководили?

— Руководить — это верно, руководили, — вздыхает Исполнитель: и начальник, и замы, и помы вызывали его к себе по нескольку раз в день, и каждый строго предупреждал: «Если не выполнишь задания в срок...»

— Тогда почему ты подвел коллектив? — недоумевают замы и помы.

Исполнитель усмехается:

— Надо было бы всем нам работать.

И начальник, и замы, и помы остолбеневают от неслыханной дерзости.

— Да ты еще, помимо всего прочего, не любишь критики и самокритики?! — восклицают они, возвратясь в нормальное, руководящее состояние. — Самокритикуйся!

— Лучше вернись на производство, — говорит Исполнитель. — Расступитесь...

Пока замы и помы расспрашивали прохожих, где находится так называемое производство, Исполнитель успевает дойти до проходной завода.

— Вернитесь, пожалуйста, — ласково просят его запыхавшиеся замы и помы. — На первый раз ограничимся строгим выговором с предупреждением — сами понимаете, должен кто-то ответить за срыв обязательства. Но это так, для формы: через полгода мы зыскание снимем...

Убедительно доказывали, что конторе никак нельзя без Исполнителя.

Взывали к совести, что надо по-государственному подходить к делу...

Исполнитель вежливо выслушал, рассмеялся и пошел на свое рабочее место, к станку, помахав рукой на прощание.

Доплелись замы и помы до начальника, растерянно докладывают: — Несознательным оказался! Что делать-то будем без Исполнителя?..

КАК СОЧИНЯТЬ ДЕТЕКТИВЫ О РАЗВЕДЧИКАХ

Памфлет-пародия

Леонид Карпович, урожденный Антонов, без определенных жизненных интересов, обезденежел. Не то чтобы на четвертинку, на кружку пива не хватало. А душа отчаянно требовала: «Хоть что-нибудь!..»

Она и подсказала попытать счастья у пивного ларька.

Со страдальческим взглядом Леонид Карпович медленно прошелся вдоль очереди страждавших, нетерпеливо выкрикивавших: «Быстрой! Не задерживай! Всем хочется!..»

Увы! Ни одной знакомой личности!..

Подбегая, запыхавшись, к третьему ларьку, Леонид Карпович издал радостный возглас — увидел приятеля, урожденного Плевакина. Явно навеселе, Плевакин отходил от прилавка, и как раз в его сторону, и так аппетитно слизывал с верхней губы остатки пивной пены, что Леонид Карпович почувствовал себя наименее несчастным человеком во всей вселенной.

Не встречались они лет десять, и просить добавить семнадцать копеек с налету было неудобно.

Леонид Карпович бессильно прильнул к груди приятеля и, жадно вдыхая исходящий от него пивной аромат, начал издали — тоскливо поведал, что перебрал немало профессий, и все напрасно. Такой, чтобы всегда хватало хотя бы на кружку пива, тонко намекнул он, не нашел.

— Не там искал, — снисходительно заметил Плевакин. — Поедем. Открою тайну по старой дружбе. Для скорости перехватим такси.

Плевакин вытащил из пухлого бумажника пятерку, взмахнул ею трижды над иностранной шляпой, и, как в сказке, к ним услужливо подкатил совершенно вежливый таксист.

Еще больше поразился Леонид Карпович, когда Плевакин, отперев дверь квартиры, вполголоса горделиво сообщил:

— Здесь, в этой собственной кооперативной квартире Дома писателей, обитает — кто бы ты думал? — всеюзнно известный литератор-приклученец Роберт Неуловимый. Читал, конечно?

— Одну книжку прочел, «Летучий голландец» прозывается, — также вполголоса ответил Леонид Карпович и, опасаясь, как бы его не услышал автор многочисленных детективно-приклученческих творений, шепотом добавил: — Откровенно говоря, ремесленничество, но занимательно. Умеет, стервец, отвлечь от всего жизненно важного.

— Спасибо за откровенность, — низко поклонился Плевакин. — Самый удобный момент представиться: Роберт Неуловимый собственной персоной приветствует тебя, старого друга, в своей творческой мастерской.

— Изв... Изв... — растерялся и еще больше испугался Леонид Карпович.

— Ничего, не впервые... Пусть, Леонид, мы ремесленники, но тиражам наших дефективно-приклученческих книг позавидует сам Лев Толстой, не говоря уже о всех прочих. Мой «Летучий голландец», например, переиздавался тринадцать раз, не считая изданий в других соцстранах. Тираж перевалил за миллион! Каково, а? Мы, литераторы-приклученцы, самые читаемые. Значит, самые любимые, значит, самые нужные. А почему? Да потому, что в наш век трезвого реализма именно мы воспеваем романтику подвига, мужества, героизма. Эту приклученческую романтику мы и кладем на алтарь воспитания молодого поколения, основной массы наших читателей. И ты будешь.

— Воспитываться?

— Воспитывать.

— Я?! — изумился Леонид Карпович.

— Да, ты, — спокойно подтвердил Роберт Неуловимый, достав из книжного шкафа бутылку египетского коньяка. — Если, конечно, хочешь пожить по-человечески. Открой тонизирующее, а я принесу приложение. Холостячу сейчас — жена отдыхает в Доме творчества писателей.

«Приложение» подтверждало, что Роберт Неуловимый действительно преуспевает: красная рыбка, такого же цвета икорка, крабы...

— Отлично живешь! — восторженно сказал Леонид Карпович, торопливо наливая в рюмки коньяк.

— Нашел золотую профессию, — самодовольно улыбнулся Плевакин-Неуловимый. — Да будет она и твоей. За нового литератора-приключенца, автора умокружительных детективных произведений Леонида Антонова! — провозгласил он тост. — Хотя стоп! Поставь рюмку обратно. С таким прозаическим именем карьеры не сделаешь. Само имя автора детективно-приключенческих произведений, Леонид, должно привлекать читателя романтической экзотикой. Взять хотя бы меня. Касьян Плевакин — разве это звучит? Не звучит! Иное дело — Роберт Неуловимый! Окрестим и тебя, ну хотя бы Кристианом Агатовым. В честь Агаты Кристи. Попробуй сказать, что не читал такую! Райское яблоко детектива!

— Читал, конечно, — соврал Леонид Карпович. — А почему ты назвал ее райским яблоком детектива?

— Поясню, но сначала скажу тебе — ты, не литератор, можешь и не знать — каждый месяц по роману, не считая бесчисленных рассказов! И знаешь, в чем секрет? В творческом методе. Она сама откровенно поведала. Ложится, понимаешь, Агата в теплую ванну, рядом громадная корзина с яблоками. Лежит это она, лопает яблоки и думает. Уничтожает и раздумывает. Сама она подсчитала, что обдумывание каждой главы требует ровно килограмма яблок. Значит, две главы — два килограмма, десять глав — десять килограммов и так далее.

— Зараз! — ужаснулся новый автор детективно-приключенческих произведений.

— Искусство требует жертв, Кристиан! И не перебивай. Я посвящаю тебя в тайны нашего мастерства. Потом Агата вылезает из ванны...

— Определенно, ее вытаскивают — столько съела!..

— Это второстепенная деталь, но как будто сама. Не придирайся к пустякам. Затем, вылезши, ставит пишущую машинку — к сожалению, марка неизвестна, на маленький резной — заметь, маленький и резной! — столик, подвинутый — куда бы ты думал? — к подоконнику! Обычному подоконнику! И тремя пальцами — тремя! —

обеих рук, уже не думая — не думая уже, Кристиан! — сразу печатает начисто двести пятьдесят страниц текста. А это, Кристиан, десять печатных листов! Новый детективный роман готов!

— Я не могу без передышки по десять — двадцать килограммов яблок! — ужаснулся Антонов-Агатов.

— Чудак! Я и не призываю тебя к этому. У каждого должен быть свой творческий метод. Я, например, пью пиво — по пять бутылок на главу. Правда, не всегда укладываюсь. А ты можешь...

— По четвертинке!

— Э, нет! Надо, чтобы безалкогольное или, как пиво, минимально алкогольное. Ты можешь пить... А! Ты еще налил коньячка. Дерябнем!.. Ты можешь пить кофе... Хотя к этому творческому методу прибегал Бальзак... Вот что! Лузгай тыквенные семечки! Никем еще не использовано. Попробуй для начала по килограмму на главу. И полезно и от мыслей отвлекает. Имею в виду посторонние, не относящиеся к творчеству. Согласен?

— Согласен! — не колеблясь ответил Антонов-Агатов.

За свою жизнь он брался и не за такие дела, так что предложение приятеля его не только не испугало, а, напротив, обрадовало. Почему бы и не попытаться? Чем он хуже Касьяна Плевакина? А так жить, как живет приятель, ему давно мечталось.

— Выпьем, Кристиан Агатов!

— Выпьем, Роберт Неуловимый!

Выпили. Закусили.

Закусив, выпили.

Повторили...

— Дай передохнуть, Роберт... Вот ты говоришь: «Мы, литераторы...» А чем... Изв... Изв... Мы сейчас сольюй присыплем... вот так... и пятнышка не будет... А чем литератор отличается от писателя?

— Литератор, Кристиан, быстрее пишет. И ты чтобы завтра же засел за роман. Возьми, конечно, нашу финансовую тему: приключения советского разведчика во время Великой Отечественной войны с фашистской Германией. Учти: самое главное — это головокружительный сюжет. Чтобы он был закручен до полного расстройтва читателя. То есть чтобы на каждой странице твой герой, назови его Иваном Бесстрашным, попадал в совершенно безвыходное положение и, конечно, совершенно благополучно из него вывертывался. В самую последнюю минуту. Когда наивный читатель, ужаха... ужасаясь, убеждается, что уже все, что уже никто и ничего его не спасет. Конец! А ты спасешь! Используй свой жизненный опыт, когда и тебе не раз приходилось выкручиваться.

— Но, Роберт, я еще ни разу не был этим... разведчиком. Откровенно говоря, всегда подальше обходил и чека и еще милицию, конечно. Так что, как эти самые разведчики работают — и не знаю. И войны я не нюхал. Понаслышке знаю.

— Ч-чудак! Ты думаешь, мы знаем, как работают советские разведчики? По секрету скажу; просвещаемся, читая друг друга. А сведения, как работают советские разведчики, мы черпаем из заграничного детектива. К нашему счастью, его пока еще издают, не скупясь. Вот где нашему брату учиться мастерству! Вот где закручено так закручено! А для нас занимательность — самое решающее, потому что это и есть специфика детективно-приключенческой литературы. Чтобы от всего серьезного отвлекала! Так что, Кристиан, не тревожь себя раздумьями. Добра тебе хочу по старой дружбе. Строчи! И чтобы потолще получалось. Потому что книги, к нашему с тобой счастью, оплачиваются по весу. По количеству так называемых печатных листов. Впрочем, это одно и то же. Чем толще будет произведение, тем толще будет и твой кошелек, больше гонорарий то есть. Уразумел? Наливай по последней. Там на донышке что-то мерцает.

...Две недели новый творец детективно-приключенческих произведений изучал творения Роберта Неуловимого и пришел к выводу, что т а к накручивать он сумеет. Тем более что приятель обещал помочь написать, а затем и протолкнуть в печать.

— Начни с того,— поучал Роберт Неуловимый, прихлебывая пиво,— что твой герой, кадровый разведчик Иван Бесстрашный, обнаруживает темной ночью в нежилем лесу труп молодой и красивой женщины двадцати семи лет, порубленный на мельчайшие куски, разбросанные в строгом порядке с юга на север и с востока на запад.

Исследуя в мощную лупу один из кусочков из какого-то места красивого тела, разведчик точно определяет, что он принадлежит неизвестной ему разведчице Незабудке, что она пробиралась к нему с Большой земли с важным поручением, которое нельзя было доверить радиоприемнику.

По крестообразному расположению кусочков трупа, по тому, как они были аккуратно расположены, Иван Бесстрашный безошибочно устанавливает, что зверское убийство разведчицы — дело окровавленных рук начальника гестапо оберштурмфюрера СС полковника Абвера Адольфа Цапфке.

Иван Бесстрашный встает на правое колено, вскидывает вверх, к безлунному небу, мускулистый кулак и шепотом, чтобы его не подслушал этот Цапфке, что есть силы кричит про себя: «О, негодяй из негодяев! Я доберусь до тебя сегодняшней темной ночью, хотя бы мне и пришлось мужественно преодолеть девяносто семь и четыре десятых километра до твоего волчьего логова! Дрожи!..»

Затем, произнеся эту страшную клятву, Иван Бесстрашный бодро вскакивает на резвые мускулистые ноги, обутые в обувь сорок пятого размера вырывает из-под ближайшего куста новенькую, с иголочки эсэсовскую форму полковника и кричит шепотом уже по-немецки: «Дер иду!» И поясняет: «Их иду», то есть — это уже по-русски:

«Я иду!..»

Идет.

Переходит на торопливую рысь.

Потом на галоп.

В крошечной тьме натывается на лесную растительность, царапая руки, ноги и прочее.

Одному ему известной секретной тропой через двадцать семь минут выбирается на пустынную дорогу — асфальтированное шоссе.

Смотрит на самосветящиеся часы.

По его расчетам, через три минуты должна пройти гитлеровская бронированная спереди и сзади, а также со всех боков малолитражка «Опель».

Вздыхает облегченно:

— Успел!..

Она появляется ровно через три минуты, но с погашенными до полной темноты передними автомобильными фонарями.

Иван Бесстрашный разгадывает хитрую уловку врага: пытался проскочить мимо него, опытного разведчика, незамеченным! Ха-ха-ха!

Он и в крошечной тьме отчетливо видит надвигающуюся на него с колоссальной скоростью стальную махину огромных размеров, бесстрашно выбегает на середину шоссе, бесстрашно останавливает ее немецким выражением, влезает в нее и бодро говорит смертельно испугавшемуся шоферу:

— В гестапо! К твоему Адольфу!..

Роберт Неуловимый прихлебнул пива.

— Успеваешь записывать? Это будет первой главой. Тебе остается только разбавить сказанное. Удлинить то есть. Во второй главе опиши бешеную скачку по дороге, разбитой вдребезги многотонными бомбами. Перелетая через самую глубокую воронку, шофер в воздухе резко поворачивает руль вправо, пытаясь выбросить Ивана Бесстрашного из закрытой кабины, но тот предусмотрел этот хитрый маневр, спокойно наставляет на него противотанковую гранату и ласково говорит:

— Не надо нервничать. Это укорачивает жизнь. Довезешь до гестапо и молча, не поднимая шума, уедешь куда подальше. Иначе...

И многозначительно покачивает противотанковой гранатой.

Перед глазами шофера.

Глотнув пива, Роберт Неуловимый прошелся детективной походкой по комнате.

— Третья глава. Записывай. Начальник гестапо Адольф Цапфке, у которого хищно торчат волчьи зубы, мечется, как белка в роскошной клетке, по роскошному кабинету, в котором до войны занималась заочно знатная доярка Агафья Коровкина. В холеных руках Цапфке тайное сообщение, что разведчик Иван Бесстрашный узнал-таки о гибели Незабудки и поклялся отомстить ему за нее.

Цапфке путем нажатия на секретную кнопку вызывает своего верного помощника Хотяева. Из числа изменивших родине. Последний дисциплинированно вбегает в кабинет и взмахом предательской руки приветствует, как положено, выбросив эту верхнюю конечность вперед, перед собой:

— Хайль Гитлер!

Начальник гестапо ему отмахивает в ответ тем же телодвижением и произносит дрожаще одно-единственное слово:

— Я чувствую, что он уже приближается к нам!.. Ему осталось всего сто семьдесят три метра.

Предатель понимает, что его шеф имеет в виду Ивана Бесстрашного, бледнеет и бесшумно падает в длительный обморок на роскошный ковер. А ногами дергает.

Именно в этот момент в закрытом окне и появляется блестящая эсэсовская фигура, в которой начальник гестапо и его предатель молниеносно узнают Ивана Бесстрашного. Цапфке метко стреляет, но он уклоняется, разбивает бронебойное стекло и со звоном прыгает на него и насмешливо говорит ему:

— Еще один выстрел, и в Берлине тотчас же погибнет известное вам дорогое для вас существо женского пола!

Начальник гестапо с проклятием опускает дымящийся пистолет, а знаменитый разведчик насмешливо говорит:

— Господа! У вас слабые нервы! Хенде хох, то есть будьте любезны поднять руки вверх!

Цапфке с проклятием поднимает.

А предатель Хотяев тайно открывает левый глаз, так же тайно достает из-за пазухи запасной пистолет-автомат и гнусной рукой направляет его на его. Уже нажимает на курок, но Иван Бесстрашный, наблюдая за ним одним глазом, другим всматривается в потолок и в условленное время издает условный звук: «Ку-ку!..» Тотчас же в потолке, как раз над предателем, открывается тайный люк и на него по очереди прыгают его боевые друзья, обвешанные трофейными автоматами и заряженными гранатами. Противотанковыми. Иван Бесстрашный успевает оттолкнуть мускулистой ногой предателя в сторону, иначе они раздавили бы его полностью. Предатель признательно кричит:

— Спасибо, что ты спас мою преступную жизнь! Зачем ты это сделал? Я буду теперь всю жизнь мучиться!..

А Бесстрашный не видит, что из окна на него уже нацелен заряженный автомат...

Роберт Неуловимый опять прихлебнул пива и пояснил:

— Ну, ты его, конечно, спасаешь и так далее продолжаешь. В таком же детективно-приключенческом плане. Уразумел главный принцип прославления романтики подвига, мужества, героизма, патриотизма?

— Уразумел! — ответил Кристиан Агатов, восхищенный тем, с какой сказочной легкостью знаменитый приятель творит детективно-приключенческие произведения.

Через три месяца роман о занимательных похождениях разведчика Ивана Бесстрашного в гитлеровском тылу был готов.

— Сотворил! — удивленно воскликнул Кристиан Агатов, восторженно похлопав по толстой рукописи. — Пятьсот страниц! А это двадцать печатных листов! А это...

Новый автор детективно-приключенческих творений ласково погладил себя по голове, блаженно откинулся на спинку кресла, и перед ним встревоженной голубиной стаей замелькали новенькие сторублевые бумажки.

Но увы! Разжав кулаки, Кристиан Агатов увидел на ладонях лишь чернильные пятна.

— Все равно будете мои! — уверенно произнес он и повторил сказанное ему Робертом Неуловимым: — За детективно-приключенческий роман ухватится любое издательство. Это тебе не сатира! — И добавил: — Вот сейчас поедem с Робертом в издательство, заключим договорчик, получим авансец...

Кристиан Агатов хотел рассмеяться — победоносно, как хохотал Иван Бесстрашный, унося на мускулистых плечах начальника гестапо, но тут случилось неожиданное: рукопись вдруг вспучилась почти до потолка, из нее, чертыхаясь, вылез сам Иван Бесстрашный, жадно глотнул свежего воздуха и вlepил новому детективщику-приключенцу оплеушину.

— Для начала, — пояснил он, брезгливо вытирая ладонь носовым платком. — Не стыдно? — продолжал он, кинув платок. — Превратить меня, советского разведчика, в героя детективно-приключенческого романа! Разведка — это не детектив и не приключение. Взял бы тебя в гитлеровский тыл, чтобы сам убедился, да ненадежный ты человек. За деньги все продашь!

— Спасите, грабят! — закричал Кристиан Агатов.

— Что? Рукопись украли? — встревоженно спросил Роберт Неуловимый, входя в комнату.

Пугливо поглядывая на рукопись, Кристиан Агатов рассказал о привидевшемся.

— Чудак! — рассмеялся Роберт Неуловимый. — Мне тоже как-то один разведчик пытался говорить, что, мол, разведка не детектив и не приключение, но я авторитетно ему разъяснил, что это — вредное мнение. Тебе доверительно доскажу: для нас, авторов детективно-приключенческих произведений. Мы имеем полное право преподнести разведку как занимательное похождение. Впрочем, что о пустяках говорить. Поехали. Договорчик уже готов, только подписать тебе осталось. Тираж, конечно, массовый. Поздравляю, Кристиан Агатов! Не забудь, как договорились: с тебя пятьдесят процентов!..

Жил-был Ротозей по прозванию Ротозеевич. Обличье Ротозей имел привлекательное, однако на работу его не принимали и жениться ему также не удавалось.

Поэтому Ротозей был на иждивении бабушки, которая кормила его с ложечки.

Водку Ротозей пил самостоятельно.

Однажды бабушка не выдержала, призналась соседкам, что несет крест господний, и попросила помочь устроить Ротозея на любую должность.

— Нам совесть не позволяет рекомендовать Ротозея на государственную службу, — ответили соседки. — Если не брезгуешь, обратись к Ашметкову. Он на все способен. Нигде не работает, а отдельную квартиру получил; на какие средства живет — неизвестно, а всегда у него есть то, что в порядке живой очереди ни в одном магазине не достанешь.

— Уж больно личность-то темная! — вздохнула бабушка. — Сплошной пережиток!

Но положение ее было безвыходное.

Выслушал Ашметков бабушку, заглянул в разинутый рот Ротозея и недоверчиво спросил:

— А Ротозей-то твой настоящий?

Бабушка обиделась даже.

— Что я тебе, очковтиратель? Вестимо, настоящий. Намедни на улице штаны с него стянули — и не заметил.

— Это хорошо, что настоящий! — обрадовался Ашметков и потер ладони. — Мне как раз директор магазина нужен.

— Ротозея — директором?! — испугалась бабушка. — Что ты!

И руку подняла перекрестить Ашметкова, да не решилась: вдруг исчезнет от крестного знамения.

— Ротозей, — засмеялся Ашметков, — они поверх законов ходят. С них, как с грудных младенцев, спросу нет. Не бойся, помогу.

Не сразу, но успокоилась бабушка. Медленно, но повеселела даже. Надела на Ротозея новые штаны и благословила его директорствовать.

— Только ты, — обязала она Ротозея, — докладывай, как там у тебя получаться будет.

Пришел Ротозей со службы, докладывает:

— Руковожу, бабушка. Принял я в свой магазин кассира. Целый день меня расхваливал, а к вечеру куда-то вышел, да так неожиданно, что даже выручку не успел сдать.

— А как звать-то этого проходимца? — встревожилась бабушка. — В милицию сообщить надо.

— Совестно было спрашивать, бабушка. Уж такой обходительный-преобходительный!

— Спрашивай, Ротозеюшка, спрашивай, когда на государственную работу принимаешь.

На другой день пришел Ротозей со службы, ругает бабушку:

— Научила, старая! Спросил я, как звать нового кассира, ответил: «Семен Семенович» — и еще хуже: кроме выручки, зачем-то из моего директорского стола печать и бланки прихватил. Не иначе как в спешке.

Дотянулась бабушка до сердечных капель,хватила тройную порцию, говорит:

— Имя спросить — это еще не все, Ротозеюшка. А документы его ты проверил?

— Как же это, бабушка, у незнакомого человека — и документы проверять? Неудобно!

Прошла неделя, вторая, третья. И каждый вечер Ротозей рапортует бабушке, улыбаясь:

— Все в порядке, старая! Овладел торговым секретом!

Поверила бабушка Ротозею на слово, бдительность ее и притупилась.

Не сразу заметила, что Ротозей стал приходить домой пьяненьким. А потом и деньги стал приносить сверх положенных. Не рубли-сотни.

Спохватилась бабушка, когда Ротозей принес сразу тыщу.

— Откуда, Ротозей, деньги? — учинила бабушка допрос. — Государство обворовываешь? Не позволю!

— Что ты, бабуля! — смеется Ротозей. — Что государству положено — все сдаю до копейки. А это просто-напросто пересортица.

— Ты по-торговому не выражайся. По-русски говори.

— Сразу видно, старая, никогда в торговой сети не кормилась. К примеру, получил я в магазин тысячу килограммов яблок. Из них первого сорта пятьсот, второго — четыреста и нестандартных — сто килограммов. Все продал первым сортом. Что государству положено — сдал, а разницу по-честному с Ашметковым разделили. Он, благодетель, научил не обманывать государство.

— Ох ты, горе-злосчастье, крест ты мой господний! — запричитала бабушка. — Садиться тебе придется!

— Куда, бабуля?

— В тюрьму, Ротозеюшка!

— А начто? — удивился Ротозей.

— На что посадят, Ротозеюшка. Креслов там нету.

— Совсем с ума спятила! — хохочет Ротозей. — У нас с благодетелем...

Не успел Ротозей договорить, выросла из-под пола милиция, схватила Ротозея за белые руки и увела.

Исправляться.

ЦЕНА ЕГО ЖИЗНИ

Иван Иванович никак не ожидал, что на его похороны придет так много сотрудников, и чувствовал себя неловко, что он — рядовой работник общества «Знание» — причинил хорошим людям беспокой-

ство. Извиниться бы, сказать, что так уж получилось нелепо, но голос не повиновался.

В то же время невольно было приятно, что вот из-за него, а пришли, и, значит, уважают, считают неплохим человеком, и, следовательно, жизнь прошла не напрасно.

Это даже как-то примиряло со случившимся, и уже непроизвольно хотелось знать, кто пришел, — глаза, к счастью, закрылись не полностью и — хотя были непривычно неподвижны: могли смотреть только прямо, но положили его удачно, ногами к двери, распахнутой во всю ширь, — и довольно отчетливо различали, кто входит.

Повезло!

Каждый входил неслышно и медленно, с застывшим виноватым выражением и так же неслышно, но уже невидимо, сбоку, подходил к нему. Теперь были видны только вздрагивающие руки, осторожно рассыпавшие по выходному костюму, причем нечувствительно, роскошные цветы, которые он любил и которыми любовался издали, потому что такие богатые розы, пионы, тюльпаны продавали спекулянты и стоили они дорого. Сейчас цветы — они почему-то не пахли! — вызывали не радость, а лишь тревожное, все усиливавшееся беспокойство: а вдруг они заслонят от него людей? Что тогда делать?..

Иван Иванович стал уже злиться, как никогда в жизни не злился.

Ну, зачем так много цветов! И обошлись они недешево! Пожалуй, его месячная зарплата, путевка в санаторий, куда врачи требовали поехать, и немедленно, добавляя многозначительно: «Если вы, конечно, хотите жить...»

А кто не хочет? Кто?..

А сейчас особенно ясно представилось, как это замечательно — жить! Так радостно было видеть, что с каждым днем все изменяется к лучшему и лучшему, приятно было сознавать, что и сам в какой-то степени способствуешь этому честным трудом.

Да случись чудо — подымись он живым, конечно же, продолжал бы жить точно так же. Точно так! Не жалея себя. Целиком отдавая себя работе, людям, Родине.

Хохряков, разумеется, ни в чем не виноват. Видимо, сказалось то, что с личной просьбой обратился впервые в жизни, вот и разволновался, главного-то и не сказал — что стали мучить сердечные приступы.

— Вы меня удивляете, товарищ Тихов! — рассердился Хохряков. — Вчера я поручил вам срочное задание. Какое решусь доверить не всякому. А сегодня, как я понял вас, вы проситесь в отпуск. Досрочно. По графику, утвержденному мной, ваша очередь через месяц. Что же, по-вашему, ради вас я должен кому-то сорвать. Отпуск! Согласитесь, это будет бесчеловечно.

— Да я что... Врачи...

— Врачи всегда перестраховываются! Идите! Работать! Чтобы задание было выполнено. В установленный срок. Мною.

Вышел, досадуя на себя, что пришел, услышав, как непривычно громко забилося сердце, не зная, что лишь закроет за собой тяжелую дверь, тут же повалится, заденет головой металлическую плевательницу, всегда заполненную наполовину водой, и плевательница плеснет в лицо слюнявые окурки; на ее глухой звон высунется из своей служебной комнаты его друг Леонид Петрович, испуганно вскрикнет; выбегут на его крик из своих комнат сотрудники, растерянно поднимут, не соображая что делать, куда нести; выглянет недовольный шумом Хохряков и, узнав причину, удивленно произнесет:

— Сердце? А ведь никогда не жаловался!..

Кстати, что-то его не видно. Может, проглядел? Если и проглядел, услышал бы: он, как всегда, говорил бы громче всех и по обыкновению давал бы какие-нибудь указания. Без этого он никак не может...

Властный голос Хохрякова, распорядившегося громко: «Поближе!» — Иван Иванович услышал, когда уже находился на краю могилы и тревожился, как бы накренившийся гроб не перевернулся.

Этак и выпасть можно, ушибиться!

— Сегодня мы прощаемся... — огорченно начал Хохряков.

Иван Иванович с обидой подумал: «На собраниях выступает последним, а на похоронах всегда первым!.. Сейчас зальется: «Преждевременная смерть вырвала из наших рядов... Исключительно честный... трудолюбивый... исполнительный...»

Хохряков так и говорил, и раздражение от того, что он всегда твердит одно и то же, будто все люди совершенно одинаковы, как стершиеся пятаки, усиливалось и усиливалось.

Иван Иванович не видел Хохрякова — тот стоял где-то сбоку, но отчетливо представлял себе, что он, как обычно, покачивается, приподнимаясь на носки ярко начищенных туфель и, как всегда, выбросив вперед короткую руку.

Но что он говорит?! Ведь это по меньшей мере нечестно!

— ...только скромностью нашего дорогого друга можно объяснить, что он, будучи уже серьезно больным, умолчал, что нуждается в отпуске, лечении...

Тревожно стало от неожиданного открытия, что Хохряков-то, оказывается, самый настоящий демагог, нечестный человек!

Как же раньше не замечал?

Да еще защищал его, когда друзья называли Хохрякова и демагогом и карьеристом!

Вот как можно ошибиться!

Как горько!

Не видеть бы этой комедии, разыгрываемой Хохряковым!..

Разборчиво донеслось сказанное кем-то шепотом:

— Гляди, как Хохряков доубаюкал Ивана Ивановича: и глаза закрыл от удовольствия!..

«От удовольствия!..»

Обидные слова порадовали: значит, еще кто-то, да к тому же из живых, разгадал Хохрякова. Это хорошо! Очень хорошо!..

А это кто выступает? А, Леонид Петрович! Спасибо, друг! Верно говорит — от общественной работы я никогда не уклонялся.

Иван Иванович вначале даже с гордостью слушал довольно-таки длинный перечень своих общественных поручений, а потом захотелось выкрикнуть: «Хватит издеваться! Никакой я не активист!..»

Только сейчас дошло до сознания, насколько случайны для него были многие общественные поручения. Так, включили в торговую комиссию райсовета, а что он понимает в торговле? И получалась не работа, а одна видимость! Или какой из него народный дружинник, если физически он хилый, к тому же больной, сердечник?.. И почему не набрался мужества решительно отказаться от подобных общественных поручений, явно неподходящих для него?

Может, вообще ничего существенно полезного для Родины не сделал? Нет-нет! Конечно, что-то сделал, но, разумеется, мог бы сделать значительно больше, если бы не плыл по течению, а стремился бы, как говорится, к целенаправленной жизни. Давным-давно начал интересное научное исследование, показывал свои заметки крупному ученому, и тот дал очень высокую оценку, сказав, что это будет ценным вкладом в науку. А ведь так и не закончил! Разменял жизнь на мелкую монету! Так почему же сейчас друзья призывают брать пример с него? Зачем называют его настоящим человеком? Какой же он настоящий человек, если послушно шел на поводу у Хохрякова, прибывшего из какой-то Облтары возглавлять областное общество «Знание», хотя невежа невежей! О! Если бы всего на минуту возвратился голос, чтобы сказать всем-всем, что не надо, не надо, не надо призывать брать пример с меня, не надо, не надо призывать жить так, как прожил свою недолгую жизнь я! Иначе бы надо, иначе!..

А когда показалось, что вот-вот крикнет, и обрадовался этому, услышал нетерпеливый голос Хохрякова:

— Крышку!

Тотчас же с грохотом навалилась крышка, так, что гроб качнулся. Торопливо застучали два молотка.

Приподняли, чуть не уронив, поскользнувшись.

Ну, чего так заспешили?!

Как неприятно верещат веревки!

Ниже.

Ниже.

Не ударили бы о дно могилы — земля здесь будто каменная...

Что это застучало по крышке?

Мелкое, металлическое.

А! Древний обычай — бросают в могилу, на крышку гроба монеты!

Прозрачно привиделось, как Хохряков, расщедрившись, кидает пятак, и стало смешно и жутко от мысли, что это и есть цена его жизни...

**ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
ГОСПОДИНУ ДОМОГАДСКОМУ.**
Памфлет

Милостивый государь!

С любовным содроганием начертал я Ваше Имя, и восторженные рыдания потрясли мои внутренности, персты выронили перо. С тоской взирал я на него, упавшее к моим нижним конечностям, но, увы, дотянуться не мог. Отчаявшись, я уже стал испускать звуки бессилия, но вошла кухарка, ежечасно проверяющая, живой ли я еще, и, даже не обругав, подняла перо и вставила мне оное. В продолжавшие дрожать от волнения и нетерпения персты мои.

И вот я, превозмогая предмогильную слабость, пишу. И не какому-то безымянному проходимцу, а Вам, имеющему Имя, каковое, как гордо известила «Единение», каковая издается здесь, в Австралии, в Мельбурне, на Коллинс-стрит, «знает вся русская эмиграция, читающая газеты».

Не могу не написать Вам, ибо с утра испытываю сладострастное недержание излить на Вас Любовь, Восторг, Изумление. Пред тем, чего Вы домогаетесь всю свою кадетско-энтезсовскую жизнь. А домогаетесь

Вы немало — возвращения Вам России. Ежели да сложить все в единую архитектурную кучу, что Вы наделали в этих патриотических целях, будет таковая куча превыше самой высокой египетской пирамиды.

Так я наглядно и разъяснил преогромность Ваших домогательств кухарке, когда умолял ее подвинуть мое кресло вместе со мною к столу, дать мне бумагу и вставить в персты перо.

Кухарка, дитя народа, спросила с обычной своей детской непосредственностью:

— Зачем тебе бумага? Не надоело марать?

А Ваша кухарка тоже задает Вам такой вопрос?..

Я пошел на хитрость: утаил, что нестерпимо хочу восславить Вас в Похвальном Слове, а смиренно вымолвил, что приспичило написать «Непроходимому» — так прозывает Вас моя кухарка. Как-то я пытался ей разъяснить, что в нашем Свободном Море принято выражаться иначе — «Непримиримый», но кухарка, дитя народа, мне ответила, что я отстал от жизни, читая лишь одну газету «Единение», что теперь «Непримиримых» все величают «Непроходимыми».

И Ваша кухарка тоже так Вас называет?..

А знает Вас моя кухарка потому, что я дополнительно плачу ей за то, чтобы она терпеливо слушала Ваши статьи, каковые в изумляющем изобилии публикует в каждом номере газета истинно непроходимых «Единение». Я читаю оную, выполняя свой священный долг, ибо, по Вашей терминологии, каждый ее читатель, а значит, и я, есмь «боевая единоличная ячейка», на каковой и держится наша с Вами НТС — самостоятельно домиращая антисоветская, антинародная, шпионская и прочая и прочая бессмертная организация. Являясь ее стойким членом, я поставил целью своей жизни превратить в «боевую единоличную ячейку» НТС и свою кухарку. Она, бедняжка, и не знает! Но вот что непонятно: я усиленно и каждодневно пичкаю кухарку Вашими прегениальнейшими статьями вот уже более двадцати лет, с первого номера «Единения», с первой Вашей статьи, а она, дитя народа, все не превращается! Странно, не правда ли? Никак не могу отгадать причину. Ведь меня-то Вы сумели превратить!

Пытался я читать кухарке и Ваши восторженные статьи, каковые Вы обильно сочиняли, когда бесстрашно помогали гитлеровцам в черных мундирах с человеческим черепом и костями на петлицах, но оные статьи кухарка почему-то не захотела слушать и за большие деньги.

Так вот, сегодня утром я, как всегда, попросил кухарку набраться терпения и стал читать Вашу очередную преумнейшую передовую статью под радостным названием «Мы — не одни!». А я-то думал, наивный, что одни-одинешеньки! Выразительно так читаю, с восторгом, всхлипывая от гордости за Ваше изумительное открытие, Вы совершенно авторитетно пишете: «Мы, носители Белой идеи, можем

открыть Западу глаза на действительную сущность коммунизма!» Кухарка не сдержала слово помолчать, засмеялась и сказала: «Как это возможно открывать кому-то глаза на то, чего сам никогда не видел, о чем сам ничего не ведаешь?..»

Видимо, она вспомнила Вашу автобиографию, каковая была опубликована в «Единении» и каковую я, конечно, читал ей. В оной автобиографии Вы сами признались, что «почти полной слепотой Вы отличались от людей еще в молодости». Но ведь, несмотря на почти полную слепоту, Вы все же, как сами скромно пишете, «отлично разбираетесь во всем»!

В доказательство, что Ваша слепота совсем не мешает Вам отчетливо видеть даже то, чего другие не видят, я прочитал кухарке выдержку из другой Вашей передовой под интригующим названием: «Ученики превзошли своих учителей», в каковой Вы очень оригинально, совершенно по-своему излагаете сущность коммунизма. Помните, Вы еще смело, мужественно, убедительно ссылаетесь на какого-то крупного большевика, каковой, мол, заявил, что «...коммунизм должен подрывать все устои, из которых складывалась жизнь народа, что молодежь должна издеваться над стариками, доносить на родителей, судить учителей. Никакой морали, никаких законов!» Кухарка не засмеялась, а громко-прегромко захохотала, выговорив наконец, что все надо понимать наоборот, что это определенно сочинил сам «Непроходимый», то есть Вы, милостивый государь. Отхохотавшись, кухарка ядовито заметила: «А почему ваш «Непроходимый» уклонился назвать имя этого явно придуманного им большевика, когда и где он сказал такую дикую чушь, какую ни один большевик не скажет!» И добавила: «Вообще «Непроходимому» могут верить слепо лишь такие, как ты!» То есть я, нижайший Ваш слуга.

Эти ее простонародные слова, милостивый государь, явились для меня откровением. Меня сразу осенило: так вот почему я бездумно верю каждому Вашему слову! Вот почему внутренностями чувствую в Вас единомышленника!

Умилившись этому столь важному открытию, я и решил письменно высказать Вам искреннюю благодарность в посвященном Вам Похвальном Слове. Я по-стариковски рассудил так: непечатно о Вас, конечно, выражаются, а вот печатно о Вас громогласит лишь «Единение». Громогласну-ка и я!

Милостивый государь! Еще одно удивительное совпадение! Мы с Вами, оказывается, ровесники! Я тоже был выроден в тот же день 20 февраля какого-то года, не помню за давностью лет! Так давайте же погордимся вместе, что сумели досуществовать до сегодняшнего дня и притом полностью сохранить свою непроходимую непримиримость!

Но, разумеется, мне далеко до Вашей гениальности, о наличии каковой у себя Вы с присущей Вам скромностью доверительно заявили в своем очерке «Полвека». В оной Исповеди Вы откровенно призна-

лись, что — цитирую Вас — Вы «умело пишете обо всем, много и часто», «затруднений в тематике не знаете», что Ваша «техника стала таковой, что можете писать прямо в машинку, без черновиков, тратя на это минимальное время», что у Вас «выработался собственный стиль», проявившийся уже в первой статье, сочиненной «горячо, сумбурно, но занятно». Искренне радуюсь, что таковой собственный стиль Вы ухитрились сохранить и в последующие десятилетия.

Сочувствую, как трудно писать одно и то же теперь уже не полвека, а значительно больше. Определенно этим объясняется, что даже у Вас, Гения Белого Слова, случаются срывы. Например, в передовой статье «Коммунистическое «счастье» Вы просвещаете читателей, что «советские студенты-«счастливицы» живут по 6—10—20 человек в комнате». Во-первых, что Вам помешало написать «по 60—100—200 человек»? Звучало бы куда оглушительнее. Во-вторых, Вы почему-то умолчали о самом главном, а именно, что советские студенты-«счастливицы» каждодневно устраивают массовые забастовки и демонстрации, решительно протестуя против того, что коммунисты лишили их демократической возможности самим оплачивать свое обучение и — больше того! — принуждают их получать так называемые стипендии, а также бесплатные путевки в санатории, дома отдыха, в туристические путешествия. Это ли не насилие над личностью, самовольно совершаемое коммунистами?! Это ли не грубейшее нарушение права человека — быть совершенно свободным ото всех и от всего и прежде всего от государства?!

В передовой статье «Что дал «Октябрь» народу?» Вы, как и подобает Истинному Непроходимому, с завидной легкостью утверждаете, что в Советской России «катастрофический упадок культуры», что «народ с каждым годом дичает», но тут же неосторожно проговариваетесь, что в СССР «ликвидирована массовая безграмотность», «созданы тяжелая индустрия, мощная военная машина», совершаются «полеты в Космос». Ай, ай! Как неосмотрительно! Так можно докатиться до того, что Вы станете рассказывать, что действительно делается в Советской России! На всякий случай, оберегая Вас от возможных неприятностей, вынужден доложить об этих Ваших вынужденных промахах в закрытый сектор НТС.

Что мне нравится — так это Ваши неотразимые аргументы.

Например, в той же статье «Коммунистическое «счастье» Вы авторитетно заявляете, что «каждый день приносит свободному миру новое доказательство приближающегося краха коммунистической системы». И приводите убедительнейший аргумент: «Это ясно всему Свободному Миру».

Действительно, как опровергнуть, если это всем ясно?!

Или в передовой статье «Моральное банкротство» Вы бесстрашно пишете, что, мол, в СССР «полное банкротство режима, полный провал

идеологии». И опять же Вы находите преудивительный аргумент: «Об этом чувствуют все»!

Подобного рода аргументами пересыпана каждая Ваша статья. Разве это не доказательство, что у Вас действительно выработался собственный стиль, как Вы сами проговорились: «горячо, сумбурно, но занятно»? Меня это приводит в восторг! Не пойму только, почему моя кухарка, дитя народа, смеется или хохочет даже, когда я читаю ей Ваши статьи?

А Ваша кухарка тоже смеется? Или тоже хохочет?..

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Бывший гусарский ротмистр, а ныне
боевая одиночная ячейка НТС
ЖЕРЕБЦОВ-РУКОПРИКЛАДСКИЙ.

ПРОТИВОАТОМНЫЕ САРДИНЫ

Сценка из западногерманской жизни

— Неужели дела зашли так далеко?! — испуганно воскликнул Михель, роняя журнал «Дер Шпигель». — Боже мой! Что ни день, то новость! Марта! Марта!..

— Опять правительство проявило о нас заботу? — встревоженно спросила Марта, вбегая в комнату и вытирая руки о фартук. — Говори сразу, Михель. Что нам еще предписывается делать? Жить в подвале? В бункере? Приобретать домашние атомные пушки? Кричать караул?

— На этот раз, Марта, ты не угадала. Нас призывают запастись продуктами.

— Ты сошел с ума!

Михель поднял журнал и прочитал:

— «Граждане Федеративной республики! Покупайте сардины! Когда дело дойдет до мощного ядерного взрыва, то в ваших подвалах будут важнейшие калории!» Соображаешь?

— Начинаю соображать! — язвительно откликнулась Марта. — Значит, так: происходит мощный атомный взрыв. Подвал, в котором мы с тобой прячемся, конечно, летит к черту и даже дальше. А мы сидим живехонькие, потому что у нас изо рта торчат эти самые сардинки — вернейшее противоядерное средство! Интересно, Михель, какой идиот это выдумал?

— Ох и язычок у тебя, Марта! — пугливо оглянулся по сторонам Михель. — Объявление дал уважаемый господин Шмидт, крупный торговец из Гамбурга. Он выполняет свой высокий гражданский долг.

Михель взял со стола газету «Рейнишер Меркур» и продолжал:

— Вот здесь написано, что министерство продовольствия и снабжения Федеративной республики обратилось с призывом к населению создавать дома запасы продовольствия, так сказать, приватные продовольственные склады. Зачем? Как поясняется, «на всякий серьезный случай». Разрабатывается специальная памятка, чем именно мы должны запастись, чтобы уцелеть от всепожароурующего ядерного удара русских. Неудивительно, что торговцы уже проявляют о нас заботу и...

— ...и хотят сбыть залежавшиеся консервы, — перебила Марта. — Хорошо еще, что торговцы ночными горшками не додумались утверждать, будто их товар защищает заднее место от радиоактивных осадков! Удивляюсь тебе, Михель. Ты аккуратно заносишь в расходную книгу каждый пфенниг, сердисься, когда я вместо ста двадцати пяти граммов масла куплю сто пятьдесят — ты называешь это расточительством, — и вдруг создавать дома продовольственный склад!

— Но, Марта, — нерешительно произнес Михель. — Вдруг действительно, как утверждают американская администрация и кое-кто из наших высокопоставленных лиц, Советский Союз нас атакует?

— Атакует! — Марта всплеснула руками. — А кто уже истратил несколько сотен миллиардов на возрождение бундесвера? Русские? Кто требует, чтобы у нас были американские ядерные ракеты? Русские? Ты... ты... Как ты оболванен! Впрочем, тебя очень легко обмануть. Лично я давно в этом убедилась.

— И как давно? — обиделся Михель.

— В первую нашу брачную ночь! — разозлилась Марта и, выйдя из комнаты, громко хлопнула дверь.

Начинающий редактор нашего издательства Аллочка Пушкинкина вышла из своей комнаты, как она потом оправдывалась, всего на несколько неотложных минут, а ключ беззаботно оставила в двери. Когда же вернулась, увидела на столе неизвестно откуда взявшуюся рукопись.

— Рукопись как рукопись, в обыкновенной грустной папке, какие изготавлиются валом, — рассказывала Аллочка, когда мы сбежались на ее девический крик. — Только не пухлая, а совсем тоненькая. Значит, подумала, у автора на первом плане не гонорар.

— Молодец! — похвалил заведующий редакцией современной художественной литературы Прошляков. — Наблюдательная. Из тебя, Аллочка, в нашем издательстве определенно выйдет толк. Давай продолжение чрезвычайного происшествия.

— У меня уже окончание, — смутилась от похвалы Аллочка. — Подошла я к столу с возможной осторожностью, то есть на цыпочках и не дыша, открыла папку, а там... Конечно, я закричала.

— Что именно закричала? — спросил Прошляков. — До меня донесся неотредактированный звук.

— Я закричала: «Сатирические рассказы!»

— Как закричала? — побледнел Прошляков.

— Удивленно-восторженно. Ведь я впервые увидела рукопись сатирических произведений и, конечно, обрадовалась, подумала, что...

— Подумала, подумала! — рассердился Прошляков. — Мы взяли вас работать!.. Платонида Гавриловна, принимайте экстренные

меры,— приказал он старшему редактору и вышел злой и расстроенный.

Аллочка растерялась.

Платонида Гавриловна ласково погладила ее пушистую головку и по-матерински нежно сказала:

— Дурочка! Плакать надо, а ты восторгаешься! Ведь рассказы-то сатирические! Пойми!

— Это и хорошо, что сатирические,— произнесла Аллочка так наивно, что все мы невольно рассмеялись.

— Да ты еще совсем неопытная девушка! — жалостливо воскликнула Платонида Гавриловна.— И, наверное, хочется самой прочесть рукопись? Высказать свое мнение?

— А разве это не входит в мои обязанности редактора? — удивилась Аллочка, и опять так наивно, что мы не могли удержаться от смеха.

— И чему вас в институте учили! — поразилась Платонида Гавриловна.— Придется начинать тебе с азов, уяснять самое элементарное. Сатирик, Аллочка,— он полагает, что если ему как-то удастся оставить рукопись в издательстве, то, мол, издательство, видите ли, обязано ее прочесть и высказать свое, так сказать, государственное мнение, учитывая, что частных издательств у нас нет. Не будь же такой простушкой. Как будто издательству больше и делать нечего, как читать рукописи, брать на себя ответственность. Для этого у нас есть так называемые внутренние рецензенты. Учили вас в институте, что это такое?

— Наизусть помню определение рецензента: «Рецензент — это первый и надежный помощник издательства. Подбирается он из числа опытных писателей, критиков. Его задача — объективно рассмотреть...»

— Стоп! Для успешной работы издательства вполне достаточно начала этого учебного определения: «Первый и надежный помощник». Остальное — вежливая дань теории. Слушай, как практически должен использоваться рецензент: именно он и обязан прочесть рукопись и высказать письменно свое мнение. Разумеется, с учетом интересов издательства.

— Я тоже так думаю — в интересах издательства.

— Ой, какая ты действительно еще девушка! Не все удобно пояснять. Надо и самой догадываться. Усвой главное, без чего ты не сможешь работать у нас редактором успешно: издательство — это государственное учреждение, а рецензент — лицо частное. Ему, конечно, удобнее отклонить рукопись. Предлог всегда можно найти. Товарищ Прошляков потому расстроился, что это уже второй случай за этот год проникновения сатиры в наше издательство. Первый случай был незадолго до твоего прихода. Какой-то Петров ухитрился забросить к нам свою сатирическую повесть. Воспользовался тем, что

кто-то самовольно вздумал проветрить издательство и открыл окно. На третьем этаже. Хорошо, что мы заранее учли возможность подобных скользких случаев — держим специалиста по сатире рецензента Прахтанова. Так что не вздумай читать сама, а немедленно переправь рукопись Прахтанову, эти самые сатирические рассказы этого... Как его фамилия?

— Иванов.

— И фамилии какие-то не литературные: Петров, Иванов!.. И позвони лично Прахтанову и, как бы вскользь, скажи замедленно: «Издательство надеется на вас». И точка. Не перепутаешь? И еще: все, что я тебе сказала, — это, разумеется, только для служебного пользования. Без права выноса...

Мы потом вдоволь посмеялись, узнав, что Аллочка все же перепутала: послав рукопись почтой, она, как предложила ей Платонида Гавриловна, позвонила Прахтанову, но после условной фразы «Издательство надеется на вас» допустила отсебятину: «...что вы рассмотрите рукопись с возможной объективностью».

Хорошо, что Прахтанов не новичок в рецензировании сатирических произведений!

Удивившись просьбе Аллочки, он спешно позвонил Платониде Гавриловне и получил разъяснение, что Аллочка только что окончила институт и, естественно, пока должным опытом не обладает.

Через несколько дней, когда пришла рецензия, из Аллочкиной комнаты опять раздался крик.

Так кричат, когда на твоих глазах кого-то убивают, да еще с остервенением, применяя изощренные способы, а ты бессилен заступиться.

Прибежал и Прошляков, испугавшись, что Аллочка обнаружила еще одну сатирическую рукопись.

Разобравшись, в чем дело, успокоился и в воспитательных целях сделал Аллочке замечание за нарушение издательской тишины.

Оказывается, как чистосердечно призналась Аллочка, послав Прахтанову первый экземпляр рукописи, она прочитала второй, и сатирические рассказы ей очень понравились.

Затрагивают, как она пояснила, очень злободневные вопросы сегодняшней жизни и в художественном отношении написаны отлично.

Но ведь это ее личное мнение!

Зачем же выдавать его за мнение редактора государственного издательства?

Зачем же устраивать истерику из-за рецензии многоопытного Прахтанова?

Он большой мастер написать такую рецензию и так, что сатирик уже и не станет пытаться даже близко подходить к нашему издательству!

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Ленч. Слово об авторе	2
Краткое руководство для перестраховщика	5
Рекорд перестраховки	10
Краткое руководство для подхалима	11
Краткое руководство по руководству	16
Несознательный Исполнитель	23
Как сочинять детективы о разведчиках	25
Сказка о Ротозее	33
Цена его жизни	35
Похвальное слово господину Домогадскому	39
Противоатомные сардины	43
Наивная Аллочка	45

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АНАНЬИН

ЦЕНА ЕГО ЖИЗНИ

Редактор Л. Ленч.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 11.10.84 г. Подписано к печати 26.12.84 г.
А 12895. Формат бумаги $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,99. Тираж 75000.
Изд. № 2761. Заказ № 3659. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Свой писательский путь в качестве сатирика Сергей Ананьин начал в «Крокодиле» — в конце 1952 года появился его первый сатирический рассказ «Правдивая сказка о переусердном начальнике». И в последующих произведениях С. Ананьин касается серьезных отрицательных явлений, чуждых социалистическому обществу.

В «Слове об авторе» старейшина цеха сатириков и юмористов Леонид Ленч отмечает главные особенности творчества С. Ананьина. Добавим, что он, ветеран Вооруженных Сил СССР, участник Великой Отечественной войны, и сейчас продолжает верно служить своему народу, честно выполняет свой гражданский долг, как и подобает советскому сатирику.

Цена 20 коп.

Индекс 72996.